

Функционально-номинативная эквивалентность устаревших заимствований в исторических произведениях.

В статье исследуется функциональная эквивалентность устаревших заимствований в исторических романах в аспекте функциональной ассимиляции в языке-реципиенте. Отношения между устаревшими иноязычными словами и их эквивалентами соотнесены с анализом заимствованной устаревшей лексики с точки зрения особенностей номинации.

Ключевые слова: функциональная эквивалентность, язык-реципиент, функциональная ассимиляция.

Abstract. The article is devoted to the functional equivalence of the borrowings in language of the historical novels of the in terms of functional assimilation in the recipient language. The author distinguishes equivalent and unequivalent vocabulary. The work contains both the typology of the relationships between foreign words and their equivalents and the simultaneous analysis of borrowed vocabulary in terms of nomination features.

Key word: functional equivalence, recipient language, functional assimilation.

Одним из факторов идиостилистического функционирования устаревших заимствований в тексте исторических произведений И.И. Лажечникова и В.П. Авенариуса («Ледяной дом» и «Два регентства») служит их функционально-номинативная эквивалентность: способность данных номинаций употребляться в тексте исторических романов, вместо других единиц лексико-семантической системы анализируемых произведений.

Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же предложения или одного и того же контекста [Кузнецова Э.В., 1989: 216].

С точки зрения наличия / отсутствия в лексической системе современного русского языка наименований, эквивалентных устаревшим заимствованиям, можно выделить безэквивалентные и эквивалентные, первичные и вторичные номинации. Разграничение безэквивалентных и эквивалентных устаревших заимствований осуществляется нами с точки зрения особенностей их функционирования в тексте. К безэквивалентным наименованиям среди устаревшей иноязычной лексики относим такие слова, которые не имеют в тексте функциональных эквивалентов, то есть, первичные номинации, поскольку для них в языке не существует дублетов, исконно русских или ранее заимствованных [Кузнецова Э.В., 1989:146]. Все безэквивалентные наименования являются первичными номинациями. Например, *Курляндия* – ‘герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии, на территории исторических областей Курземе с 1562 по 1795 годы’: «Отдав цесаревне *герцогство Курляндское*, мы удалим ее навсегда из Петербурга, из сферы влияния ее на гвардию...» (Авенариус В.П., с. 308).

Тексты исторических романов отличаются использованием большого количества экзотизмов – традиционного средства стилистической маркировки художественного текста. По мнению О.С. Ахмановой, экзотическая лексика включает в себя лексемы и

выражения иноязычного происхождения, из малоизвестных языков, часто неиндоевропейских, употребляемые в качестве создания речи особого колорита [Ахманова О.С., 1969: 214].

В анализируемых текстах Лажечникова и Авенариуса экзотизмы маркируют место действия (Османская империя), военные действия (война между Турцией и Россией 1735-1739, Ставучинская битва и сдача Хотина русским), некоторые события романа (празднество для государыни Анны Иоанновны), основных действующих лиц (княжна Мариорица, цыганка Мариула).

Наличие экзотического значения слова (объект действительности, отражаемый словом, отсутствует в российской действительности) является семантическим признаком иноязычной лексемы. Такой, например, является лексема *султан* – ‘титул монарха в некоторых мусульманских странах’. Её экзотичность объясняется тем, что исторически Россия формировалась под лоном православия и в разные периоды времени возглавлялась князьями, царями, императорами, генеральными секретарями, президентами. Понятие «султан» для неё находилось за пределами её концептосферы. Обратимся к контексту, окружающему рассматриваемое слово: *«с того времени старик возненавидел тайно султана и явно своего преемника, хотя единокровного, и поклялся скор передать свои сокровища, в том числе и воспитанницу, неверным, собакам христианам, нежели тем, которые так жестоко оскорбили его старость и долголетнюю службу»* (Лажечников И.И., с. 48).

В толковых словарях экзотическое значение иноязычных слов обычно дается через указание на хронотоп обозначаемого словом денотата, рассмотрим слово *трехбунчужный*: *бунчук* – (крымско-тат. *buncuk*) ‘древко с привязанным хвостом коня либо яка, служившее в XV—XVIII веках знаком власти, бунчук использовался у османов вместо штандарта’. В анализируемом контексте речь идет о том, что перед шествующим османским пашой, выполнявшим обязанности визиря (министра), принято было нести *бунчук*, на конце которого были три конских хвоста (это означало, что визирь имеет титул трёхбунчужного паши). Рассмотрим также лексему *сераскёр* (также *сераскер* от тур. *Serasker*) – ‘главнокомандующий турецкими войсками. Избирались из двух- и трехбунчужных пашей, соответствовали российским генерал-аншефам’. *«Тогда честолюбие заменило в нем все прочие страсти, и хотя он с помощью скамейки садился на лошадь, но все еще метил в сераскиры или по крайней мере в трехбунчужные»* (Лажечников И.И., с. 45). Данная фраза объясняет амбициозное желание паши, воспитавшего Мариорицу, стать в государстве более значимым лицом.

Экзотическое значение слов может также даваться через топоним – собственное название отдельного географического места. Например, *гранд* – ‘в Испании до 1931 г.: высший дворянский наследственный титул, а также лицо, имеющее этот титул’ или *донна* – ‘слово, присоединяемое к имени женщин дворянского сословия в Испании, соответствующее слову «дон» при мужских именах’: «Тут были инка, *гранд и донна*, испанцы только по женским мантильям, на них накинутым, и по перьям на шапочках с бриллиантовыми аграфами» (Лажечников И.И., с. 78). Лажечников повествует о том, как к Артемию Петровичу Волынскому нагрянули люди в святочных масках. Кабинет-министру сказали, что под масками лица прячут его товарищи, однако это оказалось неправдой. Под масками скрывались приверженцы Бирона, главным среди которых был его брат Густав. Они хотели спровоцировать Волынского, чтобы он при свидетелях высказался против временщика, тем самым вызвав на себя гнев Анны Иоанновны. Но по счастливой случайности одним из ряженных оказался неизвестный доброжелатель, который предупредил Артемию Петровича о нависшей над ним угрозе. Тогда Волынский посадил гостей в свои сани и приказал кучерам высадить их на Волковом поле, куда сбрасывались трупы нищих. Брата Бирона Артемий Петрович лично отвёз в Зимний дворец. В тестах исторических романов экзотизмы употребляются для передачи особенностей культуры, быта другой страны (другого народа). Например, лексемы:

1) *евнух* устар. (греч. *eunichos*, букв. охраняющий ложе) – ‘кастрированный служитель в гареме’: «Увидеть мужчину ловкого, статного, красивого, с глазами, пронзающими насквозь сердца, с черными кудрями, свободно падающими на плеча (Волынский редко пудрился), и сделать сравнение с ним и турецким длиннородым козлом или черным *евнухом*, значило с первого приступа склонить оружие» (Лажечников И.И., с.50);

2) *муэдзін* – ‘служитель мечети, возглашающий с минарета призыв к молитве’;

3) *минарёт* – ‘башня при мечети, с которой муэдзин призывает на молитву’: «Хозяин опустил в волшебный сосуд руку; между тем чародей протяжно запел непонятные слова, как *муэдзин* взывает на *минарете* к молитве» (Лажечников И.И., с.82). Приведенные лексемы отражают реалии исламской культуры.

Эквивалентную иноязычную лексику составляют слова, которые с точки зрения номинации, не являются единственными обозначениями денотатов. Это, как уже говорилось, вторичные наименования реалий или понятий. Эквивалентные иноязычные наименования составляют слова, по отношению к которым в языке-реципиенте

существуют функциональные эквиваленты, исконно русские или ранее заимствованные, способные выполнять аналогичную семантическую функцию в тексте. Среди эквивалентных наименований центральное место занимают вторичные номинации, которые именуют уже обозначенные ранее в языке реалии и понятия. Например, лексемы **рыдван** – ‘в старину большая дорожная карета’, **кибитка** – ‘телега или сани с крытым верхом’: «*Пусто было на улицах и площадях; лишь изредка мелькал курьер, сидя на облучке закрытой кибитки...На всем пути наших цыган встретили они один экипаж: это был рыдван, облупленный временем*» (Лажечников И.И., с. 28). Контекст рассказывает о поездке Мариулы и цыгана Васи в Зимний дворец, к княжне Мариорице.

Вторичные номинации имеют аналоги в языке-реципиенте и вступают с эквивалентными словами принимающего языка, исконными или заимствованными в предыдущее время, в дублетные отношения или имеют тождественное или денотативное значение. Следуя классификации О.Г. Щитовой, проанализируем в текстах исторических произведений типы отношений иноязычных наименований и их функциональных эквивалентов.

1. Отношения абсолютной синонимии

Отношения абсолютной, полной синонимии наблюдаются в случае идентичности лексического значения, сферы употребления и стилистической окраски анализируемых единиц – неисконной номинации и ее исконно русского или ранее заимствованного соответствия. Иноязычная лексика является внешним источником дублетности. В этом состоит причина возможного сокращения сферы употребления или полного исчезновения одного из абсолютных синонимов (таких иноязычных новаций) из языковой системы.

Рассмотрим следующий пример, иллюстрирующий отношения абсолютной, полной дублетности: **царь – государь**.

Лексема **царь**, происходящая от латинского **Caesar** /Цезарь/ – имени великого римского полководца из рода Юлиев, известного у нас как Юлий Цезарь, является полным функциональным эквивалентом слова **государь**. Аргументацией данного утверждения могут служить следующие факты: а) употребление заимствования в тексте в качестве абсолютного синонима: «*Кому также не известно, что этот сад (Летний сад) бывал сборным местом всего Петербурга, когда царь (Петр I) <...> спешил сообщить <...> весть об успехе важного подвига...*» (Лажечников И.И., с. 34); «*Уж и наши прадеды не любили ломаться на зов надежды-государя и угощения матушки-царицы и великих княжон*» (Лажечников И.И., с. 34); б) идентичность денотативной семантики: **царь** – ‘название монархов в некоторых странах’ и **государь** – ‘единовластный правитель, царь’.

В русском произношении слово *царь* звучало и как *кесарь*, и как *цесарь*. Доподлинно неизвестно, когда именно оно преобразовалось в *царь*. Есть предположение о том, что это задумка Ивана Васильевича. В 1547 он, пожелав стать самодержцем, начал с изменения названия своей должности. Лексема *государь* тоже обладает интересной историей происхождения. Первичная этимология ее неизвестна. Вероятно, она является производной от слова *господарь*, то есть *господин*. *Господарь* был общим термином, означающим человека, обладающего властью над кем-то, а также хозяина, рабовладельца и землевладельца. Позже термин перешел и в московские правовые уложения. Так как все великие и просто князья были одновременно и крупными землевладельцами, то в обиходной и официальной речи их часто величали государями.

Примеры отношений абсолютной, полной синонимии наблюдаются и в произведении В.П. Авенариуса: *императрица-монархиня*. Лексема *императрица*, происходящая из франц. *impératrice* под влиянием император, а также образований на -ица; ср. царь-ица, употребляется в тексте исторической повести Авенариуса в качестве абсолютного эквивалента слова *монархиня*, доказательствами могут служить уже названные причины:

а) употребление заимствования в тексте в качестве дублетов: «Скончалась *императрица* Анна Иоанновна в своем петербургском Летнем дворце...» (Авенариус В.П., с. 207); «<...> герцог Бирон, еще накануне заявил, что сам он не покинет Летнего дворца, доколе тело незабвенной *монархини* находится там еще там и не предано земле» (Авенариус В.П., с. 207).

б) идентичность денотативной семантики: *императрица* – ‘титул монархини в некоторых странах’ и *монархиня* – ‘женск. к монарх’, *монарх* – ‘единоличный глава государства, обычно наследственный’.

2. Отношения идеографической синонимии

Отношения идеографической синонимии между лексемой иноязычного происхождения и ее функциональным эквивалентом, когда их семантика оказывается не тождественной, а близкой. Неполные, неточные синонимы, квазисинонимы «могут различаться нюансами значения, по стил., по ситуациям, в которых они употребляются, и другими признаками» [Кронгауз М.А., 2001:399]. Идеографические, семантические синонимы – «близкие по значению слова (ЛСВ) представляют собой лишь «потенциальную синонимию», которая может, как реализоваться, так и не реализовываться в речи и в последнем случае может так и не стать языковой синонимией. Действительно, синонимия имеет место тогда, когда тождественные или близкие по значению слова одной и той же части речи так или иначе замещают друг друга с

определенной целью в одинаковых позициях» [Новиков Л.А., 1982: 226-229]. Функциональная эквивалентность наблюдается у идеографических синонимов, причем новозаимствованная лексема может уточнять значение своего функционального эквивалента. Например, *дворец* – *палата*. Исконно русская лексема *дворец* функционирующая в тексте исторического романа И.И. Лажечникова в значении ‘здание, служащее местом постоянного пребывания царствующих владетельных лиц или главы государства’ является идеографическим синонимом слова *палата* заимств. в др.-рус. эпоху из греч. яз., где *palation* < лат. *palatium* – ‘дворец, чертог’. Ср.: «*И вот княжна Лелемико во дворце. Сама государыня заботится доставить ей покой, приятности всякого рода...*» (Лажечников И.И., с. 52). Лексема *палата* в русском языке может функционировать в шести значениях. Наиболее близок по семантике слову *дворец* ЛСВ грецизма *палата* ‘дворец, великолепное здание, первонач., в старину, каменное’, семантическая конкретизация которого репрезентирована в устойчивых словосочетаниях, например, *каменные палаты*. Данное словосочетание используется в романе Лажечниковым: «*Вот эти каменные палаты, как сундук с высокою крышкою, Остермановы*» (Лажечников И.И., с. 29).

Интересным представляется тот факт, что во многих случаях фразеологическая активность слова, разнообразие, его возможных применений является условием, которое позволяет считать иностранное слово уже заимствованным в язык, вошедшим в его лексическую систему; рассмотрим фразеологизм, в котором функционирует уже названная лексема *палата*: фразеологизм *ума палата* – о человеке, известном своим умом. В старорусском языке лексемой «*палата*» обозначали помещение больших размеров в каменном доме. Позже «палатой» стали называть учреждения внутри больших строений, например, *Грановитая палата*, *Оружейная палата*. Также, в палатах проводились совещания, «думы», где бояре «думали думу государеву». Именно поэтому про человека великого ума, равного по умственным способностям нескольким мудрецами, говорили, что у него «*ума палата*». В нынешнее время данная фраза получила ионический оттенок: так часто говорят о глупых людях, не отличающихся большим умом; «*от трудов праведных не стяжат (нажить) палат каменных это*» – еще один пример, служащий иллюстрацией фразеологической активности слова *палата*. В романе данное сочетание реализуется в следующем контексте: «*При виде этих палат язык старика вновь развязался*» (Лажечников И.И., с.30). Фраза принадлежит цыгану Василию и отражает его восхищение при виде Зимнего дворца. Речь идет о том, что цыганка Мариула сказала своему верному товарищу Василию, что Мариорица Лелемико, считавшаяся молдавской княжной, является ее дочерью. Цыганка опасалась того, что во дворце

узнают об истинном происхождении княжны Лелемико, если увидят их рядом. Она не хотела жизнь своего ребенка и поэтому Мариуле пришлось, спрятавшись у Зимнего дворца, наблюдать за дочерью, как она вместе с государыней отправилась в манеж. Таким образом, очевидно, что исконная лексема *дворец* конкретизирует одно из значений грецизма *палата*. Можно говорить о том, что наблюдения над функциональной эквивалентностью иноязычной лексемы позволило выявить один из путей преодоления дублетности в языке – семантическую дифференциацию языковых единиц.

Типичными примерами отношений идеографической синонимии в тексте В.П. Авенариуса «Два регентства» служат лексемы *лакей* и *камердинер*. Слово *лакей*, заимствованное из французского, где *laquais* через греческое *oulakes* восходит тюркскому *ulak* – ‘бегун, скороход’ (затем происходит переход значения от бегуна – ‘на слугу, следующего за своим господином’), употребляется в анализируемом художественном произведении в значении ‘домашний слуга при господах’: «*Пройдя садом к заднему крыльцу, я застал в прихожей нескольких дежурных лакеев*» (Авенариус В.П., с. 234). Она является идеографическим синонимом слова *камердинер*, пришедшего из нем. *Kammerdiener* ‘придворный слуга’, В тексте лексема камердинер употребляется в следующем значении ‘слуга при господине в богатом дворянском доме’: «*Герцог позвонил в колокольчик. На пороге вырос саженный камердинер-курляндец*» (Авенариус В.П., с. 209). Лексема *лакей* в русском языке способна функционировать помимо значения, употребляющегося в тексте, ещё и в переносном значении – ‘о человеке, подслуживающемся к кому-нибудь, раболепствующем перед кем-нибудь, подхалиме (презр.)’. Лексема *лакей* образует синонимичную связь со словом *камердинер* только в своем первом, прямом значении.

Итак, анализ функциональной эквивалентности номинаций неисконного происхождения в тексте И.И. Лажечникова «Ледяной дом» дал возможность определить типологию отношений иноязычных слов и их функциональных эквивалентов, а также представить неисконную лексику каждого типа с точки зрения особенностей номинации (как первичные или вторичные номинации): а) безэквивалентные наименования (первичные); б) эквивалентные наименования (вторичные), которые рассматривались нами с позиции типов отношений иноязычных наименований и их функциональных эквивалентов: абсолютная синонимия, идеографическая синонимия, коннотативная синонимия.

Список используемой литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Сов. энцикл., 1966.
2. Кронгауз М. А. Семантика. – М., Изд-во РГГУ, 2001. – 399 с.

3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., Высшая школа, 1982. – 216 с.
4. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учеб. пособие. – М., Высшая школа, 1982. – 272 с.
5. Щитова О.Г. Функциональная эквивалентность досибирских заимствований в деловой письменности XVII века//Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6. С. 5 - 11.

Источники

1. Лажечников И.И. «Ледяной дом». –М.: Директ – Медиа., 2014. – 400 с.
2. Авенариус В.П. «Два регентства». – М.: Дет. лит., 1992. – 381 с.

